

— Если бы здесь сидел кто-то другой, ты бы так сказал? — Пальцы Андрея лениво скользили по тому экспонату, он поднял на меня глаза, его красивые черты лица, унаследованные от матери, напоминали произведение искусства. — Будь то Ян Чэнь или тот тайный любовник, перед ними брат был бы таким же красноречивым?

Он замедлил темп речи, между открыванием и закрыванием губ в его голосе появилось больше тягучего, двусмысленного дыхания. Я опешил:

— Это вообще не сравнимо.

— Но мне просто хочется знать. — он упрямо спрашивал, и, видя, что я не могу ответить, слегка усмехнулся. — Брат не смеет объяснить, да? Или, может, брат просто слишком труслив, даже не смеет позволить им узнать, что ты топчешься на... хм... трёх лодках одновременно, и уж точно не можешь так ловко оправдываться.

Его взгляд скользил, в нём проступило почти кокетливое выражение, но когда он опустил глаза, выглядел немного печальным:

— Раз ты так тщательно скрываешь это от других, почему так поступаешь со мной?

— Я...

Я на миг онемел. Действительно, я никогда не думал скрывать от Андрея наличие других людей, потому что в глубине души по-прежнему считал его младшим братом, а не любовником, поэтому не нужно было беспокоиться, что он будет ревновать. Но очевидно, что он ревнует, и очень сильно.

Не знаю, что чувствовал: была и тайная радость от того, что меня ценят, и странное удовлетворение от собственнического инстинкта брата. Но это настроение слишком сильно испортилось, смешавшись со многими неприглядными эмоциями. Я тихо вздохнул, сделал два шага к нему и смягчил тон:

— Прости. Я не знал, что тебе это будет важно, в будущем буду внимательнее. Что ты хочешь в качестве компенсации? Позволь, если это не слишком чрезмерно, я могу согласиться...

— Брат так бесцеремонен, потому что я кажусь очень уж простым в уговорах, да?

Лицо Андрея теперь выглядело более сговорчивым. Он подманил меня пальцем, и я поудобнее сел к нему сверху лицом к лицу. Его дыхание падало мне на воротник, горячее и щекотное. Я поцеловал его высокий нос, губами коснулся его длинных ресниц, рукой погладил по спине. Я тихо спросил:

— Не будешь больше злиться на брата, хорошо? Mon Coeur?

Андрей покачал головой. Я успокоился, уже собирался продолжить говорить сладкие слова, но он резко и сильно укусил меня в кадык, от боли я вскрикнул. Я хотел отстраниться от внезапно всплывшего Андрея подальше, но он крепко прижал меня к себе, не давая вырваться ни на йоту.

— Ты с ума сошёл!! Больно! Отпусти!

Мягкое горло внезапно было жестоко укушено, мне было и больно, и тревожно, инстинкт выживания заставил сопротивляться, я не подумал и дал Андрею пощёчину. Удар не был

особенно сильным, но лицо Андрея всё же было отброшено в сторону, и на его белой щеке тотчас выступил красный след.

Я закашлялся, прикрывая горло рукой, но он по-прежнему мертвой хваткой держал меня, не отпуская. Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, я первым делом проверил его лицо:

— Андрей, ты в порядке? Я... Я не нарочно, ты слишком больно укусил, я не смог сдержаться...

Он, видимо, рассердился, отвернулся в сторону, не давая мне посмотреть на него. В сердце меня охватило раскаяние: теперь точно всё, с таким трудом удалось успокоить этого капризного господина, как вдруг я импульсивно поднял руку и ударил его.

Так мы пробыли в тишине мгновение, и только тогда раздался дрожащий голос Андрея:

— ...Мне очень обидно.

— Прости, прости, брат не должен был бить тебя, больно? — Хоть в сердце у меня ещё оставалась злость — ведь это он первым без предупреждения набросился, да так сильно укусил, что у меня возник страх, будто меня схватил волк за горло, — но сейчас я мог только проглотить обиду и поспешно извиняться. — Брат виноват, можешь ударить меня в ответ? Или... или какой-то другой способ извинения, только не расстраивайся...

— Брат, ты, кажется, ошибся.

Андрей медленно повернул ко мне лицо, слегка приподняв подбородок. Взгляд его нёс в себе легкое пренебрежение. Я застыл, глядя на него, выражение его лица в этот момент можно было назвать холодным, а произносимые слова были словно кусочки льда, заставившие меня сначала инстинктивно вздрогнуть, а потом осознать его смысл:

— Неужели всего несколько дней притворства хорошего брата заставили тебя потерять голову? Я ведь среди этих людей...

— ...самый сложный в утешении.

Меня тащили из гостиной в ванную и швырнули в уже наполненную горячей водой ванну.

Я был мокрый насквозь, с трудом опираясь на мокрый край ванны, я шатаясь поднялся. Он вошёл снаружи, легко подавил моё сопротивление, быстро и точно сжал мне горло и влил в меня неизвестный по составу препарат — хотя на вкус это был сироп с чрезмерной сладостью, но та жидкость словно обжигающий крепкий алкоголь, по пищеводу жгуче проникала в желудок.

— Не давай мне пить эту... эту странную штуку!!

Я закашлялся, хотел вырваться, но было уже поздно. Крик на полпути оборвался, я с трудом дыша, сел в горячую воду, обхватив колени, всё тело было словно иголками, но не больно, а густой, проникающий в кости зуд смешивался с волной удовольствия, поднимающейся снова и снова. Я с трудом открыл глаза, пытаюсь распознать источник удовольствия, и с отчаянием обнаружил, что это была теплая вода в ванной, омывающая мою кожу.

Я в полубреду смотрел на свет над головой и думал: «По моим венам течёт не кровь, а лезвия».

Но даже ничтожное течение воды заставляло меня всё тело трястись, неужели даже если меня

действительно порежут, я буду кричать от удовольствия. Эрегированный половой орган был стеснён в промокших длинных штанах, Андрей свысока смотрел на меня, с чувством вздыхая:

— Действует очень быстро.

Мой собственный позорный вид стимулировал мои хрупкие нервы, я полностью полагался на порыв, чтобы уклониться от его прикосновения, лёгкое сжатие бёдр заставило мой орган спазмировать. Лицо Андрея потемнело:

— Брат!

— Убирайся... — я попытался прийти в себя из затуманенного сознания, голос неверно нёс в себе страх, я хотел встать, но ноги были слабыми и мягкими, — ты просто... сумасшедший!

Он на секунду замер, а потом неожиданно улыбнулся мне:

— Ты не знаешь, как я люблю такого тебя.

Запястье, которое я взмахнул, было схвачено им, бледно-розовые губы Андрея оставили липкий след воды на мокрой руке. Я упёрся лбом, пытаюсь в ненормально горящем похоти найти немного разума, слушал его низкий голос:

— Бог, желающий погубить, прежде всего сводит с ума. Брат, я хочу быть твоим богом... Твоя жизнь и всё удовольствие должны принадлежать мне. Ты изначально должен был быть моей вещью.

Я уже был немного в предобморочном состоянии, не выдержал, другой сам развязал пояс, чтобы мастурбировать набухший до красного орган, но всё же тяжело дыша, со злостью сказал:

— Какой ещё бог... Я не ничья вещь! Ах... Андрей, у тебя точно проблемы с головой...

— Брат, ты не хочешь разозлить меня.

Лицо его быстро стало холодным, в следующую секунду он тащил меня за воротник из тёплой воды, резко толкнул на пол, ловко содрал штаны, без смазки палец проник в задний проход.

— Нет, нельзя... — лицо прижалось к холодной плитке ванной, вынужден был стоять на коленях, колени, высоко поднимающие ягодицы, сильно дрожали. Сила Андрея далеко превзошла мои ожидания, сейчас, прижимая мою талию, он заставил меня совершенно не двигаться, вода из душа с головы обильно лилась на лицо, я задыхался от воды и невнятно просил пощады:

— Ан-Андрей... каш... Я был неправ! Не так, больно...

— Ничего. — он лёгким смехом, наклонился к моему уху, целовал и сосал чувствительную кожу за ухом, — Брат, лучше веди себя хорошо, ладно? Я сейчас очень зол.

— Больно... Смазка, прошу тебя... — так сухо врываться в сухой канал, без всякой заботы пальцами грубо повсюду тыкать в хрупкие кишки, мне было больно до нехватки дыхания. Даже если немного кишечной жидкости, стимулируемой прельщением к страсти, едва поддерживало, очевидно, это было совершенно недостаточно, не говоря уже о том, что движение Андрея, нажимающего на мою простату, было слишком интенсивным, чрезмерное удовольствие превратилось в острый болевой шок, заставляя мой мозг стать пустым, —

Больно... ах... нельзя, не надо...

Он вытащил палец, но вместо этого горячий влажный половой орган прижал ко мне сзади. Мой голос неверно нёс в себе страх:

— Нет... не входи напрямую... умру, а... не надо...

— Разве только что не был очень твёрдым? — сжимая мою талию, он приложил усилие, я вздрогнул, когда он с намёком взял в рот мою мочку уха, — Брат, теперь что делать? Я же не умею.

<http://bllate.org/book/16832/1548695>